

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

ТУКТАРОВА

Гузель Мансуровна,

канд. филол. наук, ст. преподаватель
каф. языкознания и иностранных
языков, Казанский филиал
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный
университет правосудия»
(420088, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а).
E-mail: guzeltuktarova@yandex.ru

*Ignoratis terminis artis,
ignoratur et ars¹.*

Аннотация. В статье предпринимается попытка пересмотра ряда утвердившихся в татарском языкознании мнений о явлении лексического заимствования арабизмов в татарский язык как результата языковых контактов — непосредственных или опосредованных, обосновывается тезис об особой роли мусульманского права как экстралингвистического фактора не только в формировании юридической терминологии татарского языка, но и в обогащении лексического запаса в целом, делается вывод относительно их «участия» в формировании юридической терминологии татарского языка.

Ключевые слова: мусульманское право, татарский язык, арабизм, терминология, юридическая терминология.

В последние годы в современном обществе наблюдается все более усиливающееся внимание к мусульманскому праву. Проводятся исследования, посвященные данному явлению, переиздаются работы мусульманских богословов, впервые опубликованные более ста лет назад. Несомненно, вклад мусульманских юристов в мировую правовую науку признается серьезным, однако интерес к предмету мусульманского права объясняется еще и тем, что роль ислама в современном мире оказывает заметное влияние как на политическую ситуацию во многих странах, так и на систему международных отношений в целом. Необходимо отметить, что в настоящее время мусульманское право, особенно в европейском его восприятии, чаще всего оценивается критически. Этот факт не удивляет, и объяснить его можно тем, что на современном этапе развития мирового сообщества ислам часто оказывается фактором

¹ Если терминология предмета неизвестна, неизвестен и сам предмет (*лат.*).

радикальной и разрушительной политики, необозримо далекой от ценностей демократии в современном ее понимании.

Однако было бы неверно ассоциировать ислам и мусульманское право только с политикой. Ислам — это мировая религия, и культура, ей соответствующая, лежит в основе образа жизни многих поколений мусульман, определяя их поведение. Решение политических и правовых проблем, затрагивающих последователей ислама, требует хотя бы общего представления об их правовой культуре. Мы не ставим задачу исследования мусульманского права с точки зрения критического или доброжелательного взгляда на данное явление. Мы также не задаемся целью оценить категории и понятия, разработанные мусульманскими юристами, с позиций привычного европейского правопонимания — мусульманское право представляет для нас интерес как источник обогащения юридической терминологии татарского языка.

Юридическая терминология представляет собой отдельный пласт терминологической лексики. Ее особенность мы усматриваем в необходимости учета разнообразных источников, «поставляющих» материал, или терминологические элементы — исконные в языке или оказывающиеся заимствованными и уже составляющими группу интернациональных элементов, а также специфики науки права, заключающейся в ее динамичности, тогда как термин как элемент языка — явление статическое.

Республика Татарстан на современном этапе развития не является регионом применения мусульманского права, это определяет ретроспективный характер исследования вопроса, поставленного в настоящей статье, применительно к юридической терминологии татарского языка. В начале VIII в. государственным языком мусульманского мира стал арабский, что нашло отражение в интеграции арабизмов в татарский язык.

Лексическое заимствование арабизмов, относящихся к сфере права, татарским языком традиционно объясняется в татарском языкознании тем, что арабский — это язык мусульманского мира. Однако экстралингвистический фактор в данном вопросе — влияние мусульманского права — остается без пристального внимания исследователей татарского языкознания, тогда как его философским, историко-правовым аспектам посвящены труды многих ученых (Р. М. Мухаметшин, А. Ю. Хабутдинов, А. Н. Юзеев, Х. Ю. Миннегулов, И. К. Загидуллин и др.). Лексическое проникновение арабизмов предметной области «право» в татарский язык можно объяснить рецепцией иностранного права в Золотой Орде XIII–XV вв., что происходило в силу возникновения соответствующих социально-политических условий — монгольские правители постоянно вступали в контакт с народами (необязательно завоеванными), обладавшими иной культурой и системой ценностей,

для чего заимствовались «нормы иностранного права, чтобы взаимодействовать на едином “правовом языке”»¹. Думается, что так заимствовались иностранные реалии — без семантической ассимиляции в силу их безэквивалентности в тюркских языках. Классическое мусульманское право берет свое начало в монотеистическом мировоззрении, согласно которому государство представляется в виде теократии, глава которого есть Высшее существо. Этот Единый Создатель мира является не только верховным правителем, но также законодателем и судьей. Следствием такого теократического начала становится слияние понятий о праве и богослужении, источником которых служат Священные книги. В монотеистической картине мира законодатель — человек, занимающийся толкованием законов, рассматривающихся как Его непосредственные повеления, оказывается посредником между Божественным законом и человечеством. Таким образом, юристы должны были быть в определенной степени богословами, а богословы — юристами.

Термин *шариат* в татарском литературном языке — *шәригать* представляет собой элемент заимствования из арабского языка. Ван ден Берг отмечал, что «мусульманское право имеет два источника: закон (*шар*, или *шариат*) и обычай (*адет* или *урф*)»². Термин *шариат* является центральным в мусульманском мировоззрении. Однако значения «закон» и «шариат» не могут быть уравнены, поскольку последний включает в себя некоторые понятия, выходящие за пределы определения «закон», в то же время идеи и положения, определяемые законом, содержащимся в шариате, могут быть охарактеризованы как «правовые». Подтверждение этому мы находим у Бернарда Дж. Вайсса: «...шариат... содержит, наряду с правилами, указания для судебного применения этих правил и для их проведения в жизнь посредством государственных санкций. ...В архаическом арабском языке *шарй’а* означает «путь к источнику»³. Словами молитвы первой суры Корана молящиеся просят Бога «повести их правильной тропой». Хотя в этом айте Корана «тропа» передается словом *сират*, в данной молитве содержится основная тема, определяющая понятие *шариат* — Божественное руководство. Правильный путь, или *шариат*, означает для мусульманина образ жизни. Татарские богословы Абу-н-Наср Курсави (1776–1812), Шихаб ад-дин Марджани (1818–1889) всесторонне определяют многие ключевые понятия ислама, вытекающие из шариата. Бернард Дж. Вайсс

¹ Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань: Татар. кн. изд-во. 2016. С. 59.

² Ван ден Берг. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / пер с гол.; предисл. Л. Р. Сюкияйнена. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. С. 16.

³ Вайсс Бернард Дж. Дух мусульманского права / пер. с англ. СПб.: «ДИЛЯ», 2008. С. 33.

предлагает экстраполировать определение термина «шариат» из фразы *ал-ахкам аш-шар'иййа*¹. Значение термина *ахкам* (ед. ч. *хукм*) исследователь передает словом «категоризации (категория)», хотя обычно *ахкам* переводится как «суждения» (у А. Курсави находим соответственно «постановление»²), тогда по Бернарду Дж. Вайссу поступки людей оказываются объектами этих категорий. Исследователь считает, что «термин *хукм* является эллиптическим: он используется вместо *ал-хукм 'ала-л-фи'л би-кавнихи каза* — «категория поступка как такого-то и такого-то»³. Термин *шар'иййа* — имя прилагательное, оно образовано от того же корня, что и *шариат*. Таким образом, фразу *ал-ахкам аш-шар'иййа* с интересующей нас правовой точки зрения мы можем вслед за Бернардом Дж. Вайссом перевести как «шариатские категории», или даже «категории, составляющие шариат»⁴. Определение термина мусульманского права *шариат* (в татарском литературном языке — *шәригать*), к которому мы пришли, не оставляет возможности использования его в качестве термина «закон» в контексте современного языка правотворчества, как составляемого на татарском языке в оригинале, так и в качестве языка перевода. В данном случае предлагаем термин *закон*. Термин мусульманского права *шариат* — *шәригать* — заимствован татарским литературным языком, что свидетельствует о роли мусульманского права в обогащении татарского языка.

Западные исследователи мусульманского права Бернард Дж. Вайсс и Ван ден Берг считали, что период после кончины Пророка, отмеченный первыми завоеваниями, в результате которых возник «Умаййадский халифат (661–750 гг. н. э.) и наследовавший ему Аббасидский халифат (750 — примерно 950 г. н. э.)»⁵, оказался наиболее значимым для формирования мусульманского права и мусульманского государства в целом. Умаййадский и Аббасидский халифаты «обеспечили политическую почву, необходимую для развития подлинного права»⁶. Значимость данного периода в развитии мусульманского общества для сферы права мы усматриваем в образовании четырех правовых школ (ед. ч. *мазхаб*), занимавшихся вопросами *усул ал-фикх* — дисциплин, изучавших теорию права и методологические принципы, следование которым необходимо при формулировке норм мусульманского права. Умаййады ввели в Халифате новую систему правосудия, что было их несомненным вкладом в развитие права. В этой системе отправление

¹ Вайсс Бернард Дж. Дух мусульманского права / пер. с англ. СПб.: «ДИЛЯ», 2008. С. 35.

² Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад) / пер. с араб. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 101.

³ Вайсс Бернард Дж. Дух мусульманского права / пер. с англ. СПб.: «ДИЛЯ», 2008. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же.

правосудия было передано халифом (государем) назначаемым им чиновникам. Чиновники приобретали титул *кади*. В Словаре иностранных слов приводится следующее его толкование: «кади» [ар.] — судья, рассматривающий дела на основе мусульманского права (шариата). При переводе слова «судья» на татарский язык в Русско-татарском словаре предлагаются следующие его значения: *судья, хахим, казый* (уст.). В Толковом словаре татарского языка (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге) приводится следующее толкование слова «казый»: «*Казый* — Шәригать законнары буенча хөкем итүче рухани»¹, что в переводе означает «религиозное лицо по решению вопросов шариата» [перевод автора]. Татарское *казый* — заимствованный арабизм, ассимилировавшийся в татарском языке фонетически, но не семантически.

Следует отметить, что в статьях современных законодательных актов, юридических документов, переведенных на татарский язык², термин *судья* употребляется как *хахим* (см., например, статьи Гражданского Кодекса Российской Федерации на татарском языке). По определению в мусульманском праве *хахим* наделен функциями третейского судьи. Свидетельство данному факту находим и у Ван ден Берга³. Лексические единицы *казый* и *хахим* являются заимствованиями арабского происхождения, источником которых служит мусульманское право.

Юридическая терминология татарского языка в сфере имущественных отношений достаточно ярко представлена арабизмами — терминологическими элементами мусульманского права. Так, татарскому термину «*милек*» — собственность — находим арабское соответствие, упоминаемое в мусульманском праве, — собственность — *мильк*; в татарском языке производное от «собственность» — *милек* — «собственник» образуется морфологическим способом — *милекче*, тогда как в арабском наблюдается изменение корневой гласной, соответственно «собственник» — *малик*.

В татарском языке *аманат* (аманат) — «залог, заложник, страхование»; «вещь, доверенная (оставленная) у кого-либо на хранение, заклад»⁴. Арабское *amana* — 1. «надежность, верность, честность»; 2. «вещь, отдаваемая на хранение; заклад; депозит»; 3. «дар, наследие». Арабское *кабул* — 1. «принятие, допущение, соглашение, согласие»; 2. «прием», 3. «наклонность, способность». В татарском языке *кабул булырга* — «исполнять», *кабул итәргә* — в разных значениях «принимать», *кабул итү* — «прием». Арабское *хакика* — 1. «истина, правда, реальность,

¹ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. II. Казан: Татар. кит. нәшр, 1979. С. 22.

² Законотворчество в Республике Татарстан в настоящее время ведется на русском языке, его вариант на татарском языке представляет собой переведенную продукцию.

³ *Ван ден Берг*. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / пер с гол.; предисл. Л. Р. Сюкияйнена. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. С. 194–195.

⁴ Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. С. 173.

действительность, подлинность»; 2. «существо, сущность»; 3. «истинная ценность». В татарском языке *хакыйкатъ* — «истина, правда». Арабское *арида* — «прошение, заявление, петиция». В татарском языке *гаприза* — «заявление, прошение». Арабское *джумхурийа* — «республика». В татарском языке *жәмһурият* — «республика».

В случаях, когда заимствуется только предметное значение, а также значение, не имеющее эквивалентов в языке-реципиенте, семантика совпадает как в языке-источнике, так и в заимствующем языке. В татарском языке *бэхас*: 1. «пари»; 2. «обсуждение, рассуждение»; 3. «изыскание, исследование, расследование»; 4. «спор, диспут, дискуссия». Арабское *бахс*: 1. «рассмотрение, обсуждение»; 2. «исследование, изучение, изыскание». В мусульманском праве терминологическая единица *шерик* — «совладелец»; татарская лексема *шәрик* — «компаньон, совладелец, пайщик», от которой слово образуется собирательное *шәриклек* — «общество, товарищество (на паях), компания»¹.

Терминоединица современного татарского языка, его юридическо-го подъязыка *никах* «бракосочетание» представляет собой заимствованный арабизм исламского семейного права *никах* — «бракосочетание». Согласно нормам словообразования в татарском языке от *никах* образована лексема *никахлашу* — «заключение брака», формообразовано *никахны* в *никахны өзү* — «расторжение брака». В русско-татарских словарях — авторитетных источниках — лемма *брак* переведена как «*өйләнү* (о мужчинах), *кияүгә чыгу*, *тормышка чыгу* (о женщинах)»²; *вступить в брак* — *өйләнешү*, *расторгнуть брак* — *аерылышу*³. В тексте Семейного кодекса Российской Федерации на татарском языке — Россия Федерациясе Гаилә кодексы — юридический термин «брак» переведен как «*никах*»⁴. Так, Глава II Семейного кодекса на татарском языке называется «*Никахлашу һәм никахны өзү*» (заключение и прекращение брака), в тексте которой термин «брак» употребляется как «*никах*» и в различных его словоформах, а также с участием лексемы в терминообразовании: *никахлашу шартлары* (условия заключения брака), *никахлашу тәртибе* (порядок заключения брака), *никахлашу яше* (брачный возраст); *никахлашуга комачаулы торган хәлләр* (обстоятельства, препятствующие заключению брака); *никахлашучы затлар* (лица, вступающие в брак); *никахны юкка чыгару* (прекращение брака), *никахны*

¹ Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. С. 617.

² Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под ред. Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. С. 47; Русско-татарский словарь: В 4 т. Т. 1 (А–З). Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 65.

³ Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под ред. Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. С. 47.

⁴ Россия Федерациясе Гаилә кодексы / тәрж.: М. Р. Әмирова, Н. Г. Хәйруллина. Казан: Татар кит. нәшр., 2007. 87 б.

өзү (расторжение брака)¹. Законодательные акты, в том числе кодексы, регламентируют обязательства юридического характера, терминология их языка должна отвечать определенным требованиям, в частности требованию ясности, т. е. «правовые нормы должны быть понятны всем, кому они адресованы»². Из последнего заключаем, что лексическая единица татарского языка, арабизм *никах*, может быть включена в словарную статью «Брак» при составлении русско-татарских словарей с пометой *юр.* (юридическое), а также при составлении тезаурусных словарей по юриспруденции на татарском языке.

В аспекте лексического обогащения татарского литературного языка арабизмами представляет интерес единица *зэят* (закят) — налог в пользу нуждающихся членов мусульманской общины. Институт *закята* существовал еще в «доисламское время и был связан с обычаем раздела захваченной добычи, часть которой помещалась в своего рода фонд взаимопомощи племен»³. Перевод лексической единицы *налог* в русско-татарских словарях — *салым, түләү*; лексической единицы *пóдать* — *имана, салым, ясак*. В русско-татарских словарях⁴ в части перевода единицы *зэят* не представлена. Вместе с тем в татарско-русском словаре⁵ находим словарную статью «Зэят» — дань, пóдать, а также единицу «Зэятчы» — сборщик закята, закятчик. В силу этих обстоятельств считаем возможным рекомендовать включение единицы *зэят* в словари при составлении русско-татарских словарей в части перевода.

Татарский на протяжении долгого времени испытывал влияние разных языков. Традиционные пласты заимствования составляют русский, а также тюркские языки. В условиях современной языковой глобализации в татарском литературном языке все чаще встречаются англицизмы, германизмы, проникающие в татарский язык через русский. Практика исследования заимствований в юридическом подъязыке татарского языка свидетельствует о том, что некоторая доля их приходится на арабский язык — терминологию мусульманского права. Арабские заимствования, слова исконно арабского происхождения, непосредственно или опосредованно заимствованные татарским языком (который относится к группе тюркских языков, в то время как арабский — к семитским языкам), представляют интерес для исследования в качестве иноязычной составляющей юридической терминологии татарского

¹ Россия Федерациясе Гаилә кодексы / төрж.: М. Р. Әмирова, Н. Г. Хәйруллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 87 б.

² Юридическая терминология в образовании и науках об образовании / В. Е. Усанов, Т. Б. Земляная, О. Н. Павлычева, Т. Н. Хабеев. М.: Институт научной информации и мониторинга РАО, 2010. С. 333.

³ Беккин Р. И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ: Восток–Запад, 2008. С. 248.

⁴ Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под ред. Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. 720 с.; Русско-татарский словарь: В 4 т. Т. 1 (А–З). Казань: Таткнигоиздат, 1955. 358 с.

⁵ Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

языка в определении их терминопотребления. Тот факт, что мусульманское право на протяжении веков детерминировало мировоззрение, повседневную жизнь и взаимоотношения татар, большая часть которых в России следовала и следует ханафитскому мазхабу, позволяет рассматривать его как источник обогащения юридической терминологии татарского языка. Стоит отметить, что ценности, отражающие опыт многих поколений народа, никуда не исчезают, какие бы трудные периоды ни случались в его истории. Эти ценности заслуживают и требуют изучения их источников.

Литература

Беккин Р. И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 288 с.

Вайсс Бернард Дж. Дух мусульманского права / пер. с англ. М.; СПб.: «Диля», 2008. 310 с.

Ван ден Берг Л. В. С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: / пер. с гол.; предисл. Л. Р. Сюкияйнена. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. 240 с.

Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад) / пер. с араб. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 304 с.

Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 311 с.

Русско-татарский словарь: В 4 т. Т. 1 (А-З). Казань: Таткнигоиздат, 1955. 358 с.

Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э. М. Ахунзянов, Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев и др.; под ред. Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИНСАН, 1997. 720 с.

Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А-Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 2 (М-Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Юридическая терминология в образовании и науках об образовании / В. Е. Усанов, Т. Б. Земляная, О. Н. Павлычева, Т. Н. Хабеев. М.: Институт научной информации и мониторинга РАО, 2010. 704 с.

Россия Федерациясе Гаилә кодексы / тәрж.: М. Р. Әмирова, Н. Г. Хәйруллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 87 б.

Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. II. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 726 б.

References

- Bekkin R. I. (2008). *Islamskaya ekonomika. Kratkiy kurs* [The Brief Course of Islamic Economy]. . Moscow: AST: Vostok – Zapad. 288 s.
- Weiss B. G. (2008). *Duh musul'manskogo prava* [The spirit of Islamic Law]. Saint Petersburg: «Izdatelstvo «Dilya». 320 s.
- Van den Berg (2006). *Osnovnye nachala musul'manskogo prava coglasno ucheniju imamov Abu Khanify i Shafii* [Main Grounds of Islamic Right According to Doctrines of Imams Abu Hanifa and al-Shafi'i]. Moscow: Natalis: Ripol Classic. 240 s.
- Kursavi Abu-n-Nasr (2005). *Nastavlenie lyudey na put istiny (al-Irshad li-l-ibad)* [Instruction of People How to Follow Way of Truth]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo. 304 s.
- Pochekaev R. Yu. (2016). *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongolskoy imperii v tyurko-tatarskikh Khanstvakh i gosudarstvakh Tsentralnoy Azii (Srednie veka i Novoe vremya)* [Chingiz's Right. Law Heritage of Mongol Empire in Turk-Tatar Khanates and States of Central Asia (Middle Age and Modern Epoche)]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo. 311 s.
- Russko-tatarskiy slovar: V 4-kh t. T. 1 (A – Z)* (1955). [Russian-Tatar Dictionary]. Kazan: Tatknigoizdat. 358 s.
- Russko-tatarskiy slovar: Ok. 47000 slov* (1997). [Russian-Tatar Dictionary]. 4-e izd., ispr. Moscow: INSAN. 720 s.
- Tatarsko-russkiy slovar: V 2-kh m. T. 1 (A – L)* (2007). [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan: Magarif. 726 s.
- Tatarsko-russkiy slovar: V 2-kh m. T. 2 (M – Ya)* (2007). [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan: Magarif. 726 s.
- Yuridicheskaya terminologiya v obrazovanii i naukakh ob obrazovanii: monografiya* (2010). [Juridical Terminology in Education and Education Sciences]. Moscow: Institut nauchnoy informatsii i monitoringa RAO. 704 s.
- Rossija Federacijase Gaila kodeksy* (2007). [Family Code of Russia. In Tatar]. Kazan: Tatar. kit. nashr. 87 b.
- Tatar telenen anlatmaly suzlege. Och tomda, II tom* (1979). [Etymological Dictionary of Tatar Language in 3 vol. Vol. 2]. Kazan, Tatarstan kitap nashriyate. 726 b.

ISLAMIC LAW AS A SOURCE OF ENRICHMENT OF JURIDICAL TERMINOLOGY IN TATAR

Guzel M. TUKTAROVA,
Cand. Sci. (Philol.), senior lecturer
of the Department of linguistics
and foreign languages, Kazan branch
of the Russian University of Justice
(7a, 2 Azinskaya Str., Kazan,
Republic of Tatarstan, 420088,
Russian Federation).
E-mail: guzeltuktarova@yandex.ru

Abstract. The paper deals with an attempt to revise some opinions, which are popular in Tatar national linguistics and according to which Arabic terms are borrowed in Tatar owing to mediated or immediate language contacts. The author affirms, that the Islamic law as an extralinguistic factor played its particular important role not only in the formation of juridical terminology in Tatar, but also in the enrichment of Tatar language vocabulary in general. The analysis

of Arabic words being terms of the Islamic law demonstrates, how serious the Tatar vocabulary has been changed thanks to the islamization. The vocabulary of juridical sphere in Tatar is formed to the great degree by Arabic loan-words.

Keywords: Islamic law, the Tatar language, Arabism, terminology, legal terminology.

UDC 811.512.145

DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-127-136

